

был совершенно вне себя от получившегося у него упущения.

Вторник, 13-е января.

Перед обедом принимал присягу в Сенате. Затем с Энгелем составляли письмо Поссельту, ~~прислал~~ Альберту и великой княгине Ольге. Обедали Струве, Энгель и Поссельт. Вечером ездил с Фритше и Лоренцом к Боде в Лесной корпус. Боде прочел очень симпатичный доклад относительно облесения степей. Вечером еще болтал с Э. о смерти, боге и мире.

Среда, 14 января.

Перед обедом краткая лекция. Вансович сообщил мне, будто бы имеются сведения, что гуттаперчевые провода становятся ломкими. Поехал в Академию, разговоры о незначительных вещах. Затем поехал в таможню по поводу Фромановских телеграфов. Оттуда в читальню евангелической библиотеки, где ^(встретился) с пастором Фроманом и говорил с ним о мормонах и т.п. Оттуда поехал к парикмахеру, а затем немало болтал с Дризенами и их поддразнивал. Встретил там Энгеля. Обедал у Жилля. Мюссар, граф Армфельд, Вестмани и еще кто-то незнакомый. Говорил с графом Армфельдом о делах Барановского. Он обещал по этому поводу обратиться к Бергу. Мюссар утверждал /я думаю, с нахальством/, что он послал мне сведения о работах герцога. Я вначале предполагал пойти в маскарад, но потерял к этому всякую охоту. Аннет обедала у Крузенов и пришла домой совершенно вне себя, так как Машенька в прошлый понедельник заболела холерой. Она, правда, уже вне

опасности и на пути к улучшению, но говорят, что она ужасно слаба и страшно изменилась.

Император будто бы сказал Кастельбахеку: "Я слышал, что Император Людовик Наполеон остался недоволен моим письмом. Он неправ, лучше хороший друг, чем фальшивый брат".

Говорят, что в Баку холера все усиливается.

Четверг, 15 января.

День нашей свадьбы. Утром встал нездоровым, уже ночью меня мучил какой-то судорожный голод. За кофе даже съел бифштекс. Весь день однако чувствовал какое-то нерасположение. С утра поехал к Рейтингу, заказал **билеты** и т.п. Ягдманн показал мне новый, но очень сложный соединительный аппарат. Собрал Фромановские телеграфы. Был профессор Лапшин из Харькова. К обеду Энгель, Поссельт, Ундриц, Домбровский. После обеда играли. Домбровский рассказал, что получил от гр. Адлерберга поручение перевести письмо к нему Гуртера из-за границы, написанное по поручению великой княгини Ольги, в котором он обвиняет Мюссара и Дюваля и взводит обвинения и на самого герцога. Дело повидимому довольно серьезное и может доставить этим господам много неприятностей. Перед обедом у меня был Буняковский, по поводу отзыва о новом арифмометре, присланном Департаментом промышленности.

Мюссар имел дерзость прислать мне вчера собрание сочинений герцога. Солдат сказал, что должен был передать их мне уже 8 дней назад. Конечно, я сейчас же отослал книжку обратно. **А. Хорошо.**

Пятница, 16 января.

Перед обедом работал над отчетом о подводных минах. Был Патон. Он пришел и к обеду. Так как Энгель рано вернулся домой, то мы еще сыграли партию. Я прочел Патону письмо, полученное мною от Круппа.

Машенька опять на пути к выздоровлению.

Суббота, 17 января.

Утром читал лекции. Вычислял с Вансовичем. Приходил Бетлинг, чтобы получить подпись под полисом его тещи. Затем поехал к Карлу Федоровичу, затем к Фритцше; нашел его нездоровым и раздражительным, вследствие неполадок с его спиртомером; он полагает также, что его обокрали с препаратами. Г.Петров не пришел. Затем вернулся в Клуб с Шерером, Аделунгом и Хуном, сыграли партию. Боря приехал домой очень веселый, ибо учителя остались им довольны. Хорошее начало / а довольно хорошо/.

Воскресенье, 18 января.

Перед обедом приходил профессор Чебышев, который принес мне работу по аналитическому исследованию параллелограмма Уатта. Затем завтракал. Затем имел бурную сцену с Вольдемаром, причем Madame, как обычно, держала себя совершенно бестактно, ей даже приблизительно не пришло в голову вмешаться. Я никогда не видел женщины, которая при такой внешней мягкости и рассудительности, была бы такой злобной и жесткой.

Я начинаю думать, что это порок, присущий национальности. К обеду у нас был дядя. Вечером пришли Фритцше и Шторх и мы играли. Самое значительное политическое событие в настоящий момент - женитьба Людовика-Наполеона.

Понедельник, 19-го января.

Перед обедом работал над отчетом. Энгель был у Бека по поводу моей статьи. Я написал графу Сове и просил его об ускорении печатания. Был Чечель. Обедал у Шуберта. Встретил там Геслеров. Вечером *soirée* у Шерера. Ночью ужасная головная боль. Перед обедом закончил вчерне отчет о минах.

Вторник, 20 января.

Перед обедом лекции. Поехал с Вансовичем к Нобелю. Встретил там генерала Бальца. Смотрел у Нобеля новые (виды) отопления, приспособления для печей и т.п. Видел там много всяких вещей, содействующих комфорту. Фабрика устроена хорошо, но ей нечего делать, кроме как изготовлять медные рамы для Исаакиевского собора. К обеду пришел, он заехал за Аннет, чтобы отдать последний долг скончавшейся Фробен. Я поехал во французский театр, "Шах и мат", было поставлено замечательно, также как и пьеса "*Un monsieur qui ne s'en va plus*". Смотрел с большим удовольствием.

- II -

Среда, 21 января.

Перед обедом работал с Ангелем над переводом моего отчета. Был профессор Лапшин. К обеду гости, вечером партия с Дризенем, Домбровским и Чечелем. Дризен сказал мне, что он слышал, будто бы моя речь находится в руках С.Жюльена для исправления, что меня очень рассердило
/ a bon/.

Четверг, 22 января.

Утром работал с Ангелем. Вечером с ним во франц. театре. *La jeunesse des mousquetaires, Avant on cueille la noisette.*

Пятница, 23 января.

Работал с Ангелем. Изменил гальван. маятник. К обеду был Ундриц. Вечером играли с Ангелем и Ундрицем.
/2 c/.

Суббота, 24 января.

Ночью со мной было нечто вроде припадка холеры. Встал в высшей степени утомленный. Не мог быть на лекциях у офицеров и провел большую часть утра на софе. Около 3 часов немного поработал с Ангелем. Все же поехал обедать в клуб, но ел очень умеренно. Фритцше, Шуберт и

Левицкий. Затем поехал в театр на бенефис Дем. Барендорфа, в нашей ~~ложе~~ Фритцше, Анна Гр., оба кадета и Коля. ~~Борю~~ не отпустили. Лайдей играл Геца совсем прилично, Г. Орловский не только фигурально, а и на деле чуть не опрокинул кулису.

Воскресенье, 25 января.

Получил перед обедом корректуру моей речи и над нею работал. Был Растеряев, заплатил ему 200 р.с. и обещал посетить его фабрику на Выборгской стороне. Заходил Буняковский, сообщить о патентной заявке в Академии на счетную машину, Швейкин обещал написать в Департамент артиллерии. Был Ильенко, по поводу возражений Невского стеаринового завода против патента Илимova. Отослал корректуру графу Сорве? К обеду пришел Посселят и Патон, с которыми вечером сыграл партию. Борю не отпустили из гимназии и он не попал на празднование своего рождения. Хорошая черта у Коли, это его очень огорчило.

Говорят, что царь получил очень дерзкое анонимное письмо, его будто бы сдал на почту молодой человек в треуголке. Из-за этого теперь затребовали тетради у всех студентов, лицеистов и правоведов, чтобы сравнить почерки, что возбуждает много разговоров. Мне думается, можно было бы поступить умнее, - таким путем конечно ничего не удастся выяснить. При дворе, повидимому, усердно занимаются Востоком, по крайней мере великая княгиня Елена и великий князь Константин потребовали из библиотеки книги, относящиеся к Востоку.

Вчера получил письмо от Карла Андреевича с чертежами пловучей бомбы.

Понедельник, 26 января.

Утром писал письма, бр. Портович в Варшаву и Фридр. Круппу в Эссен. Затем занялся туалетом, а затем с Энгелем доработали отчет. Пошел к Федорову, но не застал дома. Обедал один. После обеда чувствовал себя очень возбужденным и лег, чтобы немного поспать. / с /. Поехал с Аннет в оперу, давали Дон-Жуана. Аннет в своей ложе, я в кресле 5-го ряда. Присутствовала вся царская фамилия / а / и позднее еще с /. - Карл Винберг говорит, будто сегодня должны собраться биржевые дельцы, чтобы заслушать высочайшее повеление. Позднее я узнал, что С.Петербургским купцам предписано, по примеру московских, организовать госпиталь. Князь Меншиков поехал с неограниченными полномочиями на Черное море, может быть даже в Константинополь, князь Паскевич еще здесь. Царь предложил Меншикову гвардейских офицеров в качестве адъютантов. Меншиков попросил в виде милости не давать ему никого, и говорят, потребовал лишь 4-х молодых дипломатов. 27-го 6 ^h у. ~~в~~.

Вторник, 27 января.

До обеда лекции. Вансович был у Витовта и пришел уже к кофе. После лекций занимался опытами над распространением тока в воде, убивал рыб. Посещение князя

Долгорукого, который принес мне бумагу относительно одного пункта патентного законодательства. Получил письмо Э. После лекций покупал с Вансовичем образ ^{Obross} /?/, затем к Исакову, получил Физику Пулье, подарок от автора. Затем в департамент промышленности. Оказалось, что г. Томас де Кольмар совсем не требовал патента, а хотел поднести государю экземпляр описания своей счетной машины. Проехал домой и уменьшил колебания маятника до 6/20. Энгель у нас обедал. Аннёт поехала с ним после обеда в церковь Петра. При этом случае у нее как-то вырвалось, что она вечером будет пить чай у Поссельтов, и что делала это уже много раз. Это признание требует принятия мер, чтобы не получилось глупых историй. Сегодня, наконец, появилась моя речь. К бронзиривщику Федорову /Э/. Вечером у Ленца, там Гофмановский вторник. Он рассказывал веселые вещи относительно Дерпта. Вернулся домой с ужасной зубной болью. Несмотря на 3 порошка морфия, совершенно не мог спать, и все-таки 2 с.

Среда, 28 января.

Перед обедом заседание в Академии; мучался сильнейшей зубной болью. Сообщил Аннёт о неуместности ее чаепитий у Поссельтов. Был Баннистер. Обедал с Кузенами у Энгельмейера. Вечером партия в преферанс. Зашел еще на минуту на собрание Сирены. Свадьба Фразона. Уже по приходе домой показался там.